

Литература

УДК 37.01

*Медведев Владимир Иванович,
доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский
государственный морской технический университет,
Санкт-Петербург, РФ*

**ОБРАЗОВАНИЕ КАК СРЕДСТВО
И ОБРАЗОВАНИЕ КАК ЦЕЛЬ**

Аннотация. В статье критикуется утилитарно-практический подход к знанию и образованию. Показывается, что ценность знания понималась по-разному в разные эпохи и в разных культурах. Знание начинает цениться за его практическую полезность в Новое время, когда формируется идеология современной научно-технической цивилизации. По мере ее прогресса доступ к знанию становится все более широким, но престиж знания и образования падает. Характерным становится пренебрежительное отношение к гуманитарному познанию, не дающему конкретных практически полезных рекомендаций. Но технологическая модель знания (знать, чтобы практически использовать) не применима в нем. Современной цивилизации необходимо возвращение к пониманию ценности знания и образования самих по себе, к восприятию их как цели, а не просто средства.

Ключевые слова: знание, образование, практическая польза, цель, ценность, средство.

*Vladimir I. Medvedev,
Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State Maritime
Technical University, St. Petersburg, Russia*

EDUCATION AS A MEANS AND EDUCATION AS A GOAL

Abstract. The article criticizes utilitarian-practical approach to knowledge and education. It is demonstrated that the value of knowledge was understood differently in different times and cultures. Knowledge starts to be estimated for its practical utility in Modern times, when the ideology of scientific-technical civilization is forming. As this civilization progresses access to knowledge widens, but its prestige reduces. Neglect of humanitarian education, which gives no concrete practical guidelines, becomes characteristic. But technological model of knowledge (to know in order to use in practice) can't be applied to humanities at all. The return to understanding knowledge and education as independent values, to treating them as goals, not only means, is necessary to modern civilization.

Keywords: knowledge, education, practical utility, goal, value, means.

Отношение к образованию было разным в разные эпохи и отличается от одной культуры к другой. Это отношение коррелирует с отношением к знанию, которое также не было одинаковым везде и всегда. Знание и образование не являются само собой очевидной транскультурной ценностью. Можно вспомнить всем известные слова из книги Екклезиаста «Кто умножает знание, умножает печаль». Можно вспомнить и то, что Лао-Цзы призывал не просвещать народ, а делать его невежественным. Знание, точнее книжная мудрость, для даосизма являлась тем, что противоречит принципу естественности и простоты. В истории европейской культуры ценность знания редко отвергалась полностью. Но понималась эта ценность по-разному.

Древние греки, как известно, ценили знание само по себе. Стремление к знанию заложено, с их точки зрения, в природе человека. Вспомним первую фразу «Метафизики» Аристотеля: «Все люди от природы стремятся к знанию». По крайней мере, это стремление характеризует *свободного* человека. Греки достаточно презрительно относились к практическим делам и интересам. Тот, кто сосредоточен на них, является рабом по своему духу, даже если он свободен в социальном смысле. Необходимость рабства Аристотель выводил именно из того, что предназначением человека является незаинтересованное познание истины, не стремящееся при этом ни к какой внешней (практической в том числе) цели. Условием благой жизни, целиком посвященной познанию истины, является досуг. Рабы и необходимы для того, чтобы производить свободное время (досуг) для своих господ.

Высшим знанием для греков была философия, которая не несет непосредственной практической пользы. В ней мы стремимся к истине ради нее самой. Философия — высшая наука, т. к. самая бесполезная (но только в непосредственно практическом смысле — на самом деле польза ее огромна). Высоко ставили греки и занятия математикой, причем, теоретической математикой. Она была для них наукой об идеальном мире чисел и геометрических фигур. Применять математику к изучению природы они не умели. Зато геометрия Евклида до конца XVII века была образцом настоящей науки как раз в силу своей строго дедуктивной формы.

Рассказ о том, как ученый и философ Фалес смог извлечь практическую пользу из науки, повторялся как анекдот, поскольку воспринимался как курьез. Фалес, как известно, однажды на основе астрономических рассуждений предсказал небывалый урожай маслин, скупил все маслодельни и разбогател. Наука на самом деле существует не для этого. Конечно, такое отношение к практическим делам не способствовало длительному процветанию древнегреческой цивилизации — ее расцвет был недолгим.

В средние века отрицательное отношение к знанию и образованию, к разуму существовало в европейской культуре у представителей мистической традиции («Верю, потому что абсурд»). В схоластике разуму отводилась роль помощника в делах веры. Поэтому знание и образование в целом не отвергались. Но ценилось познание мира настолько, насколько оно приближает нас к пониманию замысла Творца. Получалось, что и познание природы приближает нас к Богу, в чем и состоит его подлинная ценность. О практической полезности знания при таком подходе речь, разумеется, тоже не идет.

Подлинная революция в отношении к знанию происходит в Новое время. Всем известен лозунг Ф. Бэкона «Знание — сила». Причем, в английском оригинале употреблено слово “power”, которое означает не только *силу*, но и *власть*. Для новой эпохи знание — это основа практического могущества, власти над природой. Так формируется отношение к знанию и к образованию, характерное для новой — научно-технической, или рационалистической — цивилизации. После промышленной революции XVIII в. главной социальной функцией науки становится функция производительной силы. Престиж и ценность знания и образования постоянно растут в общественном сознании на протяжении XIX в. Правда, М.Фуко связывает это с тем, что в новую промышленную эпоху сильным мира сего понадобился грамотный рабочий и грамотный солдат. Как бы то ни было, мечты просветителей начинают претворяться в жизнь. Одновременно, правда, начинают рушиться иллюзии о том, что развитие науки и просвещение само по себе приведет к решению всех социальных проблем, прекращению войн и т. д. В XX в. цели, заявленные просветителями, вроде бы достигнуты. Но всеобщее счастье не наступает. А Первая мировая война вообще поставила под сомнение надежды рационалистов-прогрессистов: прогресс цивилизации и просвещения отнюдь не привел к прекращению войн. Наоборот, они стали гораздо разрушительнее и страшнее. Да и в отношении к знанию фиксируется странный парадокс. Как писал К. Ясперс, с одной стороны, никогда еще знание не было столь доступным для масс, как в XX в., с другой — никогда еще престиж знания не был так низок. Писалось это в межвоенную эпоху. Сегодня, через 80 с лишним лет, мы можем с уверенностью сказать, что обе эти тенденции так и продолжают осуществляться. И в современном российском обществе мы наблюдаем небывалую доступность высшего

образования, которое получает все больший процент молодежи. Но с другой стороны, престиж его все время падает и находится сейчас на весьма низком уровне. Падает, судя по всему, и качество.

Представляется, что во многом падение престижа связано с отношением к образованию исключительно как к средству. Рационалистическое мировоззрение Нового времени и эпохи Просвещения вообще было достаточно парадоксальным. Сам культ разума, характерный для него, был, как писали его критики, именно *культом*, далеким от рациональности. Эпоха просто верила в неограниченные возможности разума, прежде всего, познавательные. Философия Нового времени мечтала о том, чтобы все проблемы, в том числе мировоззренческие, ценностные превратить в технически разрешимые. Так Г. Лейбниц был уверен, что после создания специального идеального языка науки и философии все вопросы (включая религиозные) станут вопросами подсчета. В философии и науке Нового времени сложился культ метода (у Р. Декарта, в особенности). Метод освобождает познание от зависимости от личных качеств ученого — метод гарантирует результат. При достижении этого идеала познавательная деятельность должна была стать чем-то вроде промышленного производства однотипных товаров. Любой человек, овладевший правильным методом (как и овладевший технологией), давал бы результаты. Насколько привлекателен такой идеал?

В рамках такого мировоззрения сформировался и рациональный подход к образованию. Если главное достоинство знания — практическая полезность, то и образование должно в первую очередь готовить человека к успешной практической деятельности в определенной области. Отсюда идет деление изучаемых дисциплин на нужные — те, которые пригодятся в совершенно конкретной работе, и ненужные — те, которые стоит изучать разве что «для общего развития». К числу таковых современные студенты и аспиранты относят обычно различные социально-гуманитарные дисциплины. Отношение к изучению иностранного языка чаще всего также формируется в рамках рационалистической парадигмы: он нужен для того, чтобы читать профессиональные тексты на других языках и общаться с коллегами из других стран. О том, что при изучении иностранного языка ты расширяешь свой культурный горизонт, речь обычно не идет. С подобной радикально рационалистической точки зрения совершенно непонятно, зачем в XIX в. в классических гимназиях изучали латынь и древнегреческий. Эта практика воспринимается как некий пережиток нерациональной доиндустриальной аристократической культуры.

Современные информационные технологии позволяют распространить такой подход гораздо дальше, чем осмеливаются обычно его сторонники. Давным-давно из школьных программ исчез такой предмет, как чистописание. Об этом мало кто жалеет. Но сейчас уже можно поставить вопрос, нужно ли вообще обучать детей письму. Современный человек уже очень рано сталкивается с вводом текста посредством клавиатур. Часто ли мы пишем от руки? И не делаем ли мы это, когда мы это все-таки делаем, больше по привычке? Даже записи для себя (что нужно купить в магазине, например) многие делают в телефоне уже сейчас. Умение писать от руки может скоро стать чем-то вроде древнегреческого языка. Но это лишь первый этап. Обычной вещью сейчас становится голосовой ввод данных, как и голосовой вывод их. Э. Тоффлер поэтому вполне обоснованно предполагает, что и умение читать может стать со временем ненужным. На смену визуальной культуре (по терминологии М. Маклюэна) снова придет устная, слуховая. И так далее. Зачем запоминать формулы, если под рукой всегда электронные справочники? Если развить такую логику до предела, можно поставить вопрос: а зачем вообще учить чему-то? Достаточно научить человека тому, откуда и как добывать нужную информацию.

Утилитарно-рационалистический подход к знанию и образованию оказывается парадоксальным. Требование обязательной практической полезности любого знания сужает возможности знания. Вряд ли бы евклидова геометрия была создана, если бы греки руководствовались стремлением разработать средство решения практических задач — методы вычисления площадей и объемов. Ее создателей зачаровывал идеальный мир фигур и чисел. Говорят, И. Ньютон засмеялся всего один раз в жизни: когда один из его друзей спросил, какую практическую пользу можно извлечь из изучения геометрии. Подобная постановка вопроса казалась гениальному ученому комически нелепой. Но евклидова геометрия при этом таки является практически полезной. Как и многое другое в системе наших знаний, что на первый взгляд кажется абсолютно бесполезным для практической деятельности.

Человек вообще является сознательным существом. Это не всегда является преимуществом. Поведение животных, основанное на инстинктах, часто выглядит более надежным и предсказуемым. Во многих жизненных ситуациях бывает лучше действовать не рассуждая, если, конечно, это возможно. Но часто ли это возможно для людей? Культ естественности и простоты в даосизме явно вводит в заблуждение. Стоит только задать вопрос в какой-нибудь конкретной ситуации, какое действие будет естественным, а какое нет. Наш образ жизни — не природный, не естественный. У нас есть естествен-

ные потребности, но способы их удовлетворения, как правило, разные в разных культурах. К примеру, даже представления о том, что является пищей, а что нет. Поэтому можно, конечно, мечтать о естественности и простоте, но они для человека изначально невозможны. Человек обречен на то, чтобы жить осознанно. И наше знание не только позволяет нам совершать какие-то практически полезные манипуляции с окружающим миром, но и осознавать, что мы делаем, к чему мы стремимся, зачем нам это все. Самосознание — это важнейшая часть личности. Описывая конкретного человека, совершенно необходимо включать в это описание то, кем он себя считает, каким он видит самого себя.

Гуманитарные науки выполняют роль самосознания в человеческой культуре в целом. Не только они, конечно. Ту же роль выполняет и искусство. Но оно накапливает и транслирует опыт *эмоционального* переживания мира и жизни. А гуманитарные науки — опыт *рационально-систематического* их осмысления. Они не могут строиться по технологической модели знания, когда целью знания является успешное практическое действие, успешное манипулирование познанным. Если мы изучаем людей с целью более рационального управления и манипулирования ими, это не гуманитарное познание.

Кстати, технологическая модель знания вообще вряд ли может быть всерьез использована в науках о человеке. В. Парето призывал изучать людей как «муравьев и атмосферные процессы» и на этой основе более эффективно ими управлять. Но люди — особый объект познания. В отличие от муравьев они способны усваивать знание о себе и менять свое поведение. Технологическая модель знания могла бы быть реализована в науках о человеке разве что в обществе, которое можно было бы четко разделить на манипуляторов и манипулируемых. Первые бы изучали вторых (не обязательно сами — с помощью ученых социологов и психологов) и на основе рациональных рекомендаций все более эффективно управляли бы ими. Но вторых нужно было бы лишить доступа к знаниям о них — лишь тогда эта модель была бы реализована по-настоящему. Такое кажется возможным лишь в самых мрачных антиутопиях. Пусть большинство людей и не пользуется возможностью сопротивляться на основе знания идеологическому манипулированию, принципиальная возможность делать это у них остается.

Натуралистический подход к гуманитарным наукам мечтает о создании на их основе «технологии поведения» (об этом прямо писал классик бихевиоризма Б. Скиннер). Она и была бы воплощением мечты о конкретном практически применимом знании о человеке. Такие «гуманитарные» науки действительно не имело бы смысла изучать представителям технических или естественнонаучных специальностей. Но они были бы гуманитарными лишь по названию. Гуманитарные же науки в настоящем смысле этого слова нужны всем — как всем людям необходимо самосознание. Человек должен понимать смысл и цели того, что он делает. Ю. Хабермас, например, считает, что современной цивилизации необходима широкая дискуссия именно о целях и ценностях. Они часто кажутся само собой очевидными, но таковыми не являются. Поэтому в современной экономике все или почти все рационально в деталях, но общая цель кажется потерянной. Она живет наращиванием потребления. Поэтому все, что этому способствует, что заставляет нас потреблять больше, рационально. Например, то, что современная техника рассчитана на весьма короткий срок жизни — благодаря этому обновляются технологии, мы все время получаем новые модели телефонов и компьютеров с новыми возможностями и т. д. Но рационально ли это в другом — более глобальном — смысле? Можно, конечно, считать, что задумываться о таких вещах необязательно, а то и вредно. Ведь когда сороконожка задумалась о том, в каком порядке она переставляет свои лапки, то ходить уже больше не смогла. Но для людей инстинктивно действующая сороконожка вряд ли может быть идеалом. Поэтому вроде бы практически не-полезное знание нам необходимо.

К тому же есть основания считать, что широкий культурный кругозор вообще расширяет возможности его обладателей. Известны слова А. Эйнштейна: «Достоевский дал мне больше, чем Гаусс». А что он ему дал? Способность нестандартно, даже парадоксально, мыслить — что-то в этом роде, скорее всего. Деятельность ученого-теоретика, как писал К. Поппер, состоит в выдвижении и проверке гипотез. Выдвижение гипотез — это наиболее творческий этап научной деятельности, здесь работает больше не логика, а интуиция. Логика, строгие методы — все это необходимо больше на других этапах. Если бы все дело было в методах, тогда способности ученого, его гениальность, не имели бы никакого значения в науке. Но это не так. Как формируется способность к нестандартному мышлению? Вряд ли кто-то обладает строгим методом, который позволил бы гарантированно его формировать. Хотя кое-что об этом нам известно. Огромный массив неэксплицируемого, неявного, вроде бы практически не ориентированного знания является условием выживания любой культуры. Поэтому и не стоит сводить образование к роли средства достижения практически ощутимых полезных результатов.

Современное общество обеспечивает удовлетворение основных человеческих потребностей на таком уровне, какой был недостижим ранее. Это позволяет ему в принципе более свободно и спокойно относиться

к экономической эффективности, рентабельности и т. п. вещам. Образование — это тоже не просто средство оптимизации экономической эффективности. Его нужно рассматривать как самоцель. В конце концов, для чего нужно стремиться к удовлетворению основных человеческих потребностей? Для того, чтобы у человека оставались время и силы для развития других сторон собственной природы, кроме рациональной добычи средств к существованию и эффективной конкуренции на рынке труда. И высшее образование должно быть не просто натаскиванием узкого специалиста в его непосредственной профессии, а и средством формирования культурно развитого человека. Поэтому вряд ли целесообразно происходящее все последнее время сокращение времени, выделяемого на изучение общегуманитарных курсов. Вряд ли целесообразно при подготовке инженера делать упор на узкоспециальные курсы в ущерб фундаментальным общеинженерным дисциплинам. В конце концов, никто не знает, что ему пригодится в будущей работе, а что нет. Фундаментальная подготовка же может сформировать способность учиться чему-то самостоятельно. А для этого знание и образование должны рассматриваться не только как средство, но и как цель и ценность сами по себе.

Судьба гуманитарной культуры в современном мире — лишь часть данной проблемы. Создается впечатление, что круг тех, кто интересуется ею, неуклонно сужается, что она все в большей степени становится культурой профессиональных гуманитариев. Сужается круг тех, кто читает серьезную художественную литературу. Это вряд ли можно восполнить даже гуманитарными курсами в программе бакалавриата и магистратуры. Тут вопрос, скорее, в общей ориентации современной цивилизации. Слишком узко трактуемый принцип практической полезности знания и образования подрывает ее основу. В современном обществе становится все проще учиться, например, списывать на экзамене. Но кто при этом будет придумывать новые гаджеты, и, что еще важнее, выдвигать фундаментальные идеи, открывающие новые практические возможности? Или для развития науки будет достаточно усилий небольшого числа «ботаников»? Вернуться к ценностям древнегреческой культуры, для которой стремление к знанию было отличительной чертой свободного (т. е. «настоящего») человека, и отойти от обязательных поисков непосредственной практической полезности знания было бы как раз практически полезно.